

Annotation

Если ты росла в патриархальной семье, если твой муж всю вашу жизнь считал, что «жена должна», то попав в новый мир, еще более патриархальный, чем твой собственный, будешь ли ты меняться? Есть ли в этом смысл? Что, вообще, способно изменить женщину, мягкую и робкую по характеру, привыкшую подчиняться главе семьи?

Казалось бы – слушайся мужа, и все будет хорошо! А если плохо

– значит, ты сама виновата!

Полина Ром

Пролог

Часть первая

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

Часть вторая

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

Часть третья

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ЭПИЛОГ .

Полина Ром
Два лика Ирэн

Пролог

– Ирина Викторовна, ну что, с Гошкой посидите?

– Приводи, конечно, Танюша. Мы с ним пирожки лепить будем.

А вернёшься – мы тебя чаем будем поить!

– Вам что-то купить нужно?

– Нет, спасибо, Танюша. Всё у меня есть...

Соседка Танечка, двадцатисемилетняя мама-одиночка, частенько выручала Ирину Викторовну. То в магазин сбегает, продуктов две сумки притащит, то к врачу запишет по этому их интернету, то окна поможет помыть.

Правда и Ирина Викторовна никогда не отказывала ей в помощи. Вся короткая история семьи Танечки прошла у неё на глазах. Ирина

Викторовна прекрасно помнит, как незадолго до их свадьбы с Димой, молодые и счастливые, делали они ремонт в квартире, оставшейся от Таниной бабушки. До этого почти десять лет жили здесь разные квартиранты. А теперь вот и пригодилось жильё. Быстро как-то промелькнули свадьба-беременность-роды, славный парень Дима стал скучать дома. Нет-нет, да и приходил выпивши...

Тогда, семь лет назад, Ирина Викторовна ещё была пошустрее, иногда помогала Танюше с маленьким крикуном Гошкой. Забирала погулять на пару часов, давая возможность молодой матери передохнуть от колик-газиков-режущихся зубов. Катала коляску со спящим малышом и иногда с тоской думала, что если бы не послушалась в своё время мать, то, глядишь, сейчас бы своих внуков выгуливала.

Бесплодность её покойному мужу, Андрею, установили аж на девятом году брака. И то, после большого скандала, когда накричала она на него, наверное, первый и последний раз в жизни. Ну никак он проверяться не хотел! Сама-то она к тому времени всех врачей обошла и знала, что здорова и хоть сейчас беременей да рожай!

Подумывала ведь тогда о разводе-то, подумывала... Только мать Ирины – женщина старой закалки, суровая и на ласку не щедрая, так на неё рявкнула, что и думать о разводе Ирочка, как тогда ещё звали её на работе, забыла:

– Ты что, зараза малахольная, семью позорить будешь? Какой-такой тебе развод?! Не пьёт, не курит, что тебе ещё от мужика надо?! А что леща иной раз отвесит, так шустрее нужно быть! Муж пришёл с работы, а ты на диване валяешься! Кто такое терпеть будет?! Какая ещё мигрень в твоём возрасте?! Сама и виновата! Хороший мужик у тебя, вот и сиди при нём!

Сама Ольга Фёдоровна именно так и делала – сидела при муже. Ну а то, что попивает иногда, да и, вроде как, погуливает – так мужик же, какой с него спрос?! Служила ему истово, верой и правдой, обихаживала хозяина. Без неё отец не знал, где ложку взять, где носки хранятся. Ну, надо сказать, что с возрастом папаша Ирочкин угомонился. А в шестьдесят один год тихо отошёл в мир иной на руках у рыдающей жены. Без него Ольга Фёдоровна загрустила, затихла и через два года оставила Иру сиротой.

Ирина Викторовна тряхнула головой, отгоняя дурные воспоминания, и пошла на кухню, где уже несколько минут без присмотра шуршал Гошка – такого оставь одного – греха не оберёшься! Хороший мальчишечка, хоть и шкодник! Прошлый раз пекли булочки – взял, поросёнок, и солью одну вместо сахара посыпал! А она-то всё понять не могла, что это хихикает он?! Смех и грех с ним! Так что уж в этот раз лучше присматривать нужно. Он, так-то, не злой совсем. Но любопытный да шептунный.

В этот раз, впрочем, не успел Гоша ничего натворить – отвлёкся

на большую миску с очищенными яблоками, тихонько сидел и похрустывал ломтиками. Ну, для того Ирина Викторовна их и чистит в два раза больше, чем нужно. Пусть грызёт на здоровье. Прикипела она душой к Гошке бедолажному – ну-ка, без отца растёт парень...

Сходила даже прошлый год, как в отпуск они уезжали с Танюшей, к нотариусу. Завещание на мальчишку оформила. От своей-то семьи никого и не осталось, а она не вечная. Вроде как и не совсем старуха, чуть за шестьдесят. А и давление частенько скачет, да и лишний вес мучает.

Как-то вот быстро жизнь-то пробежала. Давно ли тонкая-звонкая Ирочка, лучась от счастья, целовалась с Андреем у подъезда, обмирая от страха, что мать в окно выглянет? И куда всё делось? И счастье то, и поцелуи...

Конечно, не дело парнишечку без отца растить, ой – не дело! Покойная матушка Ирины Викторовны никогда бы такого не одобрила! Да и сама Ирина Викторовна очень развод не одобряла. Как можно?! Ну, выпил муж раз-другой, а ты к нему с лаской, да приготовь повкуснее, да заботу прояви-пожалей! Глядишь, семья бы цела была. Матушка её вон как отца терпела-мучалась! И пил, и бил, и гулять не забывал! Но терпела же! Дочь без отца не оставила!

Нет, конечно, Диму, непутёвого мужа Танюшки, она тоже не одобряла – и ребёнка будил-пугал скандалами, да и Танюшку костерил не за дело, а так, лишь бы придраться. Только Танюшка, вишь, терпела-терпела год, а как ударил он её – тут терпелка у неё и кончилась. Сквородой мужу тут же ответила! Да так ответила, что свекровь её прибежала на следующий день, грозилась написать заявление о побоях...

Вспоминая этот скандал, Ирина Викторовна неодобрительно покачала головой. Нехорошо тогда вышло! И ведь на развод подала! И не побоялась одна-то остаться! Конечно, оказалось, что ничего страшного и не случилось. И родители Танины помогли, да и сама она с Гошей сидела не раз, а Татьяна вышла на работу, подала на алименты и, вроде как, даже и не жалеет, что у неё мужа нет, а у Гошеньки – отца... Не поймёшь их, молодых нынешних. А всё же не гоже мальчику без отца расти.

Вечером пили чай с яблочными пирожками. Тесто у Ирины Викторовны всегда воздушное, лёгкое. Такое вкусное, что можно и начинку не класть! У Гоши вон и нос в корице и сахарной пудре! С собой им в пакет сложила с десяток:

– Утром ещё чайку попьёте!

– Ой, спасибо, Ирина Викторовна! Никто вкуснее печь не умеет! Сколько раз уже пробовала по вашему рецепту, а всё не такие воздушные.

– Ничего, Танюша, научисься.

– Давайте давление померяю, Ирина Викторовна? Что-то мне вид ваш не очень нравится...

– Не нужно! Я сейчас лягу да полежу. Да и не болит у меня ничего, так это... возраст...

– Да какой возраст! Пошли-пошли, померяем...

– Ну вот, а вы не хотели! Сейчас скорая приедет и укольчик сделает.

– Ой, Танюша, дай тебе бог здоровья.хлопот-то я тебе наделала...

– Ничего и не наделали, вы мне, всё же, не чужой человек... Укольчик врач сделал, даже два сделал. И посидел, подождал,

пока подействуют. А потом вдруг заявил:

– Надо бы вам в больницу.

Спорила Ирина Викторовна, не хотелось из дома куда-то на ночь ехать:

– Да что мне сделается?! Зачем же сразу в больницу-то?!

А Танюша в это время споро упаковывала зубную щётку, сорочку чистую, расчёску.

– Не волнуйтесь, Ирина Викторовна. Вот я мобильник кладу, как устроят вас – сразу звоните. А я к вам утром, перед работой забегу, что забыли вдруг – принесу.

– Цветы-то!

– Полюю, не переживайте...

– Я там Гошеньке носки довязала, такие, как он хотел, с ёжиками

– возьми, забыла отдать!

– Вот как заберём вас из больницы, так сами и отдадите.

Вот так и оказалась на ночь глядя Ирина Викторовна в палате, где кроме неё лежала только совсем уж старенькая бабушка. А и правда, ничего страшного не случилось. Утром прибежала Танюша, принесла целый пакет вещей и тёплую кашу рисовую, такую, как любит Ирина Викторовна. И рисунок от Гоши – портрет. И обещала после работы забежать – рядом же тут, всего одна остановка! А Гошу Нина Павловна заберёт, с первого этажа. И вот она

вам ещё тут передала варенья...

Лечили таблетками, да ещё и капельницы ставили. Бабулька на соседней кровати, вроде как, не в себе была, но тихая. А третья койка – вовсе пустая. Под капельницами лежать было нудно, затекала рука, но Ирина Викторовна терпела – не в её характере жаловаться. Только всё чаще вспоминала покойного мужа, даже удивительно, какие воспоминания-то однообразные получались. То вспомнилось, как он за горелый пирог подзатыльник ей отвесил при гостях – так обидно было! То, как денег ей пожалел на сапоги модные. Сказал – старые не доносила ещё! А ведь и деньги были, не бедствовали. То, как когда-то

обещал ей серёжки золотые на тридцать лет, а сам сестре купил и отдал.

– Я мужик, я и решаю, куда и как деньги тратить! Не родилась ещё баба, которая мне указывать будет!

Что она, золовка – змеиная головка, что свекровушка покойная только и смотрели, что бы из Иринино дома прибрать. Её же ещё и упрекала свекровь:

– Сгубила жизнь мужику, неродица! Она какой парень-то у меня, кровь с молоком! А ты, из-эх... – и рукой махала презрительно...

Ну, не рассказывать же деревенской тётке, с семью классами образования, кто виноват, что детей нет. Всё равно не поверит, только пуще лаяться будет.

А уж совсем обидно было, когда на похороны мужа пришла его мадама, крашенная в ярко-рыжий, с подведёнными глазами. Моложе лет на пятнадцать, чем Ирина Викторовна. И ведь стыда не побоялась – рыдала у гроба. Ну, конечно, и её понять можно – за пять-то лет, что они любились промеж собой, она с него все накопления вытянула! На похоронах в шубе норковой в пол была! О таких деньгах можно и поплакать. То-то он жену в санаторий брать не захотел – с ней ездил! И ведь все вокруг знали, весь цех, с кем работала раньше, с кем дружила, а никто не сказал! Зато потом доброхотов сколько нашлось – уколоть! Вот после тех похорон и не осталось у Ирины Викторовны друзей.

Так что, если бы не северная пенсия, неизвестно, как бы и жила дальше. Да и так пришлось лишние шесть лет отработать – восстановить накопления хоть немного. До смерти-то все деньги на счету Андрея хранились. А потом только и выяснилось, что нашёл он, на кого потратить. А свекровь сына пережила и квартиру Иришкину на десятый день после похорон пришла делить.

– Сынок мой наживал, Андрюшенька... Не для тебя, пустоцвета, чай! Тебе, неродице, и остатков много! А мне унучикам хоть чего оставить будет!

Пришлось кредит брать и выкупать у неё четвертую часть своей же квартиры. Хотя и не больно дорогие у них хоромы, а не так и легко выплатился кредит. А потом ещё и свекровь умерла. А у золовки трое детей, откуда у неё деньги на похороны? Вот тоже расходов много было. Ну, сейчас грех жаловаться – не нуждается она. И пенсии

хватает. И на чёрный день есть немного. Но как вспомнится всё это – тоскливо становится. Как-то больно безрадостно жизнь-то прошла.

Днём, после капельницы, Ирина Викторовна вязала крючком разные салфетки. Пристрастилась на пенсии. Дома сериал какой ни есть включает и сидит, считая про себя:

– Два столбика с накидом, один соединительный...

Говорят, сейчас всё это не модно, а Ирине Викторовне очень нравилось. Спокойное такое занятие, интересное. А уж красота выходила – и вовсе сказочная. Раньше-то ей всё не до того было. С работы прибежит – готовить да убирать нужно, а потом – то стирка, то закрутки, если осень, то свекрухина дача, ежели лето. Только и успевай поворачиваться. А сейчас-то – чего же не повязать?! Танюша ей находила всякие-разные узоры и на планшете вкладки оставляла. Всегда можно посмотреть, как и что. Сама-то она не больно умела пользоваться, но уж ролик включить и посмотреть – это-то могла. Вот и пригодился планшет, который ей от коллектива подарили, когда на пенсию вышла.

Вот и сейчас вязала она в своё удовольствие. До капельницы ещё больше часа, так что как раз успеет кайму закончить. А то, что сердце кольнуло – так пройдёт. Потерпеть немного – и пройдёт. А после работы прибежит Танюша, принесёт компот и ниток ещё.

Только вот что-то дышать тяжело стало... Ирина Викторовна потянулась к кнопке вызова, но так и не успела нажать – вдруг совсем кончился воздух... Клубок белого кроше свалился с тощего больничного одеяла и закатился под койку...

Часть первая

1

Пробуждение Ирины Викторовны нельзя было назвать обычным. Станным было всё, начиная с обстановки комнаты, где она очнулась, заканчивая остальным – непривычными запахами и тусклым сероватым светом, падающим из узких окон, затянутых ромбиками серой плёнки вместо стекла.

Ну, например, зрение. Очки для работы вблизи Ирина Викторовна носила уже лет... Да она и сама не могла точно сказать, сколько лет, но больше двадцати.

Сейчас она рассматривала каменную кладку стены на расстоянии... Метров десять – точно было. И она видела каждую прожилку и завиток рисунка, каждый неряшливый стык между камнями. А ведь ещё сумерки...

Или уже сумерки? На мгновение закружилась голова, хотя встать с лежбища, где она очнулась, Ирина пока и не пробовала. Слишком всё вокруг странно, непривычно, страшно...

В углу, там, где была самая густая тень и громоздилась непонятная куча, кто-то зашевелился, зашуршал прямо на полу, и хрипловатый со сна голос сказал:

– Анги, Анги, вставай... Госпожа в себя пришла... Да просыпайся ты уже, Анги!

Ирина затихла, не слишком понимая, как из больницы она попала в это место с каменными грубыми стенами, с воняющей дымом и гарью широченной кроватью, устеленной грубыми, попахивающими кислятиной шкурами, где рядом с ней лежал ещё кто-то... Вроде как – молодая девушка. Где в углу шевелились неведомые люди, одного из которых звали Анги... Или одну из них?

Где больница и незаметная, глуховатая, отстранённая от мира бабушка-соседка?! Чистое бельё и голубые стены, специфический запах дезинфекции, боли и бессонницы. Цокающие каблучки медсестёр и горьковатый дух лекарств?! Что вообще происходит?!

Нервно подняла руку и смахнула липнущую к лицу паутину волос. И застыла, внимательно рассматривая узкую кисть и пальцы

Грязноватые, с тёмными полосками под ногтями, но, несомненно

– чужие. Такая рука могла принадлежать молодой девушке. Хрупкая кисть, длинные пальцы, сероватые от грязи, довольно нежная кожа...

Тем временем в углу, где обитал неведомый Анги, послышались зевки и шуршание, кто-то выбрался из шевелящейся кучи тел и шкур и прошлёпал к большой дыре в стене.

Ирина Викторовна затихла, стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимания. Дыра в стене – не просто так дыра. Всплыло забытое слово – камин! По бокам от тёмного пустого зева – грубые резные каменные колонны, кованая решётка-подставка, куда лохматое существо в засаленном и облезшем кожухе складывало крупные поленья, сучья, потом добавило горсть еловых шишек и несколько кусочков мха.

Существо пощёлкало какой-то железкой по зажатому в руках камню, долго дуло на мох, стоя на коленях и засунув голову почти в центр тёмной норы, когда наконец оно слегка кашлянуло, а из камин

отчётливо потянуло дымом и небольшие язычки пламени заплясали на сухом мху, захватили шишки и самые тонкие веточки хвороста и, наконец, завладели одним из поленьев. В камине что-то громко щёлкнуло, рассыпало сноп искр, и огонь, наконец-то, разгорелся достаточно ярко.

Существо, всё это время терпеливо махавшее на разгорающееся пламя круглой плетёной штуковиной, оказалось достаточно молодой девушкой – лет двадцати, только очень чумазой и лохматой.

Серое платье из ткани, напоминающей мешковину. Крупная грудь, которая не знала бюстгалтера и, похоже, вообще никакого белья, мягко колыхалась при любом движении. Сквозь небольшую прореху видна тонкая белая кожа в пупырышках /даже такую мелочь Ирина Викторовна видела сейчас отчётливо/. В комнате было весьма прохладно – отсюда, похоже, и ознобные мурашки на девичьем теле. Лоснящаяся от грязи и жира, длинная, облезлая жилетка с клочковатым мехом. Видно, что вещь очень стара, так стара, что истлела уже часть ниток, соединяющих боковые швы, и пучки уцелевшего меха торчали неровной бахромой.

Разгоревшееся пламя освещало простоватое лицо, впрочем, вполне симпатичное. Волосы, если отмыть, будут соломенного цвета, наверное. Светлые брови и ресницы и серые глаза, грубоватый,

немного «картошкой» нос, крупные красивые губы, сочного цвета спелой малины.

Всё это Ирина Викторовна видела так отчётливо, в таких мелких деталях, типа непрорядов на грубой ткани или двух выбившихся из нечёсанных волос соломинок, что оставалось только удивляться остроте нового зрения.

На ногах у девушки, вместо нормальных тапок – что-то вроде плетёных лаптей. Торчат в стороны узелки, неровные концы, какие-то странные лохмотья и пучки. Похоже, для тепла там просто добавлены кусочки непряденой шерсти. В деревне, где раньше жила свекровь-покойница, такую, ну или похожую обувь называли чуни. Носили её только в помещении, зимой, чтобы ноги не мёрзли.

– Госпожа? – девица подошла к кровати и робко потрогала руку Ирины Викторовны.

Всё это время, пока Анги пыхтела и фукала, раздувая огонь, Ирина лежала на жёстком тюфяке, в куче дурно пахнущих шкур, ни жива ни мертва, и смотрела в лежащее рядом молодое девичье личико хорошенькой шатенки, сонно моргающей глазами. Ей казалось, что, обнаружив чужого человека в своей койке, любой начнёт орать, как ненормальный! Но шатенка только потёрла кулачками глаза и, позёвывая, спросила:

– Ну что, очухалась?

Потом, не дожидаясь, пока обомлевшая Ирина кивнёт головой, повернулась к ней спиной и, сладко потянувшись, зарылась в шкуры снова.

Ирина Викторовна, забывшая от этого странного ужаса, как надо дышать, тихонько откашлялась, снимая спазм в горле.

Лежала, стараясь не шевелиться громко, тщательно зажмурилась,
и думала...

Телевизор она последние годы почти не смотрела – слишком много негатива лилось с экрана. То убийство и отравление честных бизнесменов, то маньяк и пропали дети, то дом обрушился... Да ну их всех – одни ужасы!

А вот про любовь и принцесс почитать она любила. Чтобы магия всякая и обязательно – отбор невест! А чтобы и вязать ещё можно было, Танечка ей скачивала такие истории, которые дикторы хорошие

читали. Так что в попаданках и драконах Ирина Викторовна разбиралась просто прекрасно. И умом-то она понимала, что вот она сейчас и есть – та самая попаданка, про которую потом в книге напишут. Только вот на дворец и отбор невест всё это попаданство маловато походило. У них здесь поди и принцы такие же невымытые!

Да и вообще! Раньше всегда ей казалось, что это – вроде сказок для взрослых... А какие уж тут сказки, если сама она в чужом теле, даже и не слишком понятно, на кого похожем, и запахи вокруг тяж

лые и мерзкие, и чужие лица людей, и всё просто кричит ей о том, что это вот – самая, что ни на есть, реальная реальность?

И нужно что-то отвечать той лохматой грязнуле, которая аккуратно трогает за руку и зовёт Ирину Викторовну:

– Госпожа? Госпожа Ирэн, вы в себя-то пришли или нет ещё? – одновременно зевая и осеняя свой открытый рот мелкими крестящими движениями.

Ирина Викторовна неожиданно поняла, что Ирэн – это она и есть...

2

Чумазая девица продолжала вопросительно смотреть ей в глаза, поэтому Ирина Викторовна собралась с духом и ответила:

– Не шуми, Анги... Пусть все поспят ещё.

– Да как поспят-то, ежели леди ваша велела сразу, как в себя придёте, её позвать?! Ежели вы очухались, значит, я сей минут и сбегая за леди Берритой...

Ирина Викторовна на мгновение задумалась и поняла – смысла нет хоть что-то откладывать. И потом, раз леди Беррита – мать госпожи Ирэн, то, возможно, она или сразу поймёт, что дочку ей подменили... Или – вообще никогда не догадается об этом. Так-то, если подумать, разве нормальному человеку этакое в голову придёт?!

И потом, заметить можно подмену родного и любимого человека.

А родных и любимых не держат в таком свинарнике!

Вся душа аккуратистки Ирины Викторовны возмущалась, видя сор и грязь на полу, щепки и кусочки коры, щедро рассыпанные вокруг корзины с дровами у камина, мутную невымытую плёнку на окне и месиво посуды, костей и крошек на большом столе у ближайшего к кровати окна.

А уж балдахин над её ложем и вообще требует отдельного описания. Ткань покрыта сажей и пылью в столько слоёв, что кажется жёсткой, как накрахмаленная. А на самом деле – просто грязная! И то тряпьё, что надето на ней, воняет потом и кисловатым запахом невымытого тела.

Никакого недомогания она не ощущала, поэтому, пока Анги ходила за леди Берритой, села на кровати и только тогда почувствовала головокружение и некоторую слабость. И тянущую боль в затылке. Ничего критичного, просто – неприятно.

Машинально подняла руку и сквозь спутанные волосы нащупала приличных размеров шишку, окружённую жёсткими, пропитанными засохшей кровью волосами.

– Ирэн! Ляг сейчас же! – в комнату ворвалась невысокая полноватая женщина в странной одежде – Вдруг тебе станет хуже!

Тёмно-бордовая, плотная и глянцевая ткань платья была пересечена на груди крест на крест толстым витым оранжевым шнуром, отчего крупные груди женщины вызывающе и несколько нелепо торчали в стороны.

Из-под бордового платья, что едва закрывало колени, выглядывало сантиметров пятнадцать-двадцать зелёного края нижней одежды, а уж из-под него, почти до полу, шёл оранжевый слой. Судя по некоторой «капустности» фигуры, это не воланы, а именно – три платья, надетых одно на другое. Конечно, в комнате зябко, но утепляться лучше шерстью, а не шёлком. Или это просто мода? На ногах у женщины были тёплые чулки и кожаные, несколько неуклюжие туфли на плоской подошве.

Совсем необычными выглядели рукава. Обтягивающий руку оранжевый, спускающийся так, что закрывал до кончика ногтя большой палец руки, пошире и покороче – зелёный, он доходил до середины предплечья, и совсем уж нелепо выглядели бордовые пышные «крылышки», заканчивающиеся точно у локтя.

Волосы леди были собраны в два рожка близко к макушке и покрыты очень тонкой, полупрозрачной вуалью. Крепилась вуаль надетым сверху узким обручем из жёлтого металла, отчего верх головы, плотно обтянутый светлой тканью, казался почти прямоугольным.

Ирина Викторовна легла, а эта самая леди, поманив пальцем Анги, ткнула ей куда-то вниз. Не слишком понимая, что там внизу происходит, Ирина Викторовна старалась рассмотреть лицо леди Бер...
Как её там?

Самое обычное лицо, полноватое, с чуть обвисшей складочкой под подбородком, серыми глазами и обычным носом. Лет тридцать, не меньше. Брови подведены довольно сильно, на их фоне глаза со светлыми ресницами кажутся голыми.

Наконец, леди со словами:

– Анги, сколько можно возиться? – сделала какое-то странное движение телом и, высоко подобрав свои многослойные одёжки, так высоко, что стало видно, что чулки длиной всего до колена и привязаны витым шнуром прямо к ногам, влезла на кровать. Забралась под шкуру к Ирэн, погладила её по лицу и прошептала:

– Бедная моя девочка! Я ничем не могу тебе помочь! Я так умоляла лорда Беррита! Но ты же знаешь отца... – она тяжело вздохнула.

У Ирины Викторовны навернулись слёзы на глазах – столь резко и ядрёно пахло от женщины чесноком. Чуть повернув лицо в сторону, она сделала вдох и сказала:

– Кто такой лорд Беррит?

Женщина удивлённо, даже надменно вскинула брови и спросила:

– Что вы себе позволяете, госпожа Ирэн?! Вы хотите, чтобы я пожаловалась вашему отцу на вас?!

– Я, госпожа, ничего не помню и не знаю вас...

– Не смей называть меня госпожа! – женщина разозлилась и скатилась с кровати – Анги, туфли! – скомандовала она.

Анги снова присела и исчезла из поля зрения Ирины Викторовны.

Похоже, сейчас она шнуровала женщине туфли.

– В благодарность за все мои заботы, госпожа Ирэн, вы грубите мне и ведёте себя, как уличная девка! Я пожалуюсь лорду Берриту на ваше возмутительное поведение!

С этими словами, высоко задрвав подбородок, леди, но не госпожа, протопала к дверям и застыла, дождавшись, пока лохматая Анги забежит вперёд и распахнёт перед ней тяжеленную высокую створку.

Ирина Викторовна села на кровати от тычка в бок со стороны заспанной шатенки. Та уже сидела, потирая кулаком глаза и, кутаясь в сшитые шкуры, выговаривала:

– Вечно вы с леди Беррит изводите друг друга! Ну вот чего опять не поделили? Понятно же сразу было, что всё равно замуж она нас спихнёт! Ах, я так уговаривала лорда Беррита! – передразнила она леди писклявым голосом. – Уж кто-кто, а она-то умеет уговаривать! Только зачем бы мы ей тут нужны были, а, Ирэн? Ты моложе всего на год, а дура-дура! Нашла к кому за защитой кинуться! Сейчас вот пойдёт, отцу нажалуется на тебя – он за тобой денег меньше даст! Мне же лучше будет!

Ирина Викторовна поймала сочувственный взгляд Анги, повернулась спиной к девице, даже не понимая, что сделала не так, чем госпожа хуже леди, откуда на затылке шишка и что теперь делать?! Хотя то, что она – попаданка, не вызывало больше сомнений.

Можно найти дурацкую одежду и странную комнату, вонючие шкуры

и кучу артистов. Не понятно, кому это может быть нужно, но – возможно. Но ни один нормальный человек не станет есть чеснок перед работой. Значит эта самая леди – не артистка.

Полежать подольше и додуматься хоть до чего-то она не успела. Минут через десять в дверь сильно и резко постучали, явно не опасаясь кого-либо разбудить, и громкий мужской голос выкрикнул:

– Лорд Беррит вызывает госпожу Ирэн! Немедленно!

Засуетилась Анги, вытягивая Ирэн из кровати чуть ли не за руку.

В спину, со стороны шатенки, прилетело довольное:

– Ну вот, что и следовало ожидать!

Анги, в это время стоя на коленях, натягивала Ирине Викторовне чулки, подвязывала под коленкой довольно плотно, вызывая внутренний протест: «нельзя же так ноги перетягивать!». Надела на неё такие-же чуни, как у себя. Возле кровати валялись ещё одни такие же лохматые ботинки. Очевидно, эта пара принадлежала шатенке. А леди, значит, могут носить туфли. Но ведь, наверное, это не единственная разница?!

Прямо на серую полотняную одежду, в которой Ирэн спала, Анги напялила тяжелое суконное платье, лоснящееся от старости и грязи на рукавах, по вороту и на коленях. И всё время шептала:

– Ой, быстрее-быстрее, госпожа Ирэн! Ой, огневается лорд – всем худо будет.

Ирина Викторовна ощущала небольшую слабость, чуть кружилась голова, но из-за непонятности всего окружения она даже не представляла, что делать. Кому тут пожалуешься? Остаётся только одно – потерпеть!

За дверь её уже дожидался невысокий плотный мужчина в очень коротких, надутых пузырьём штанах, чулках разного цвета – один зелёный, второй – в чёрно-белую косую полоску. Под крупным пивным животом – широкий пояс с яркими медными бляшками и длинная кожаная палка, глядя на которую Ирэн подумала: «Шпага! Или – меч?!». Короткий жакет на нём чем-то напоминал дамскую одежду – возможно тем, что по коричневому полю цвели золотые и розовые пионы.

– Следуйте за мной, госпожа Ирэн!

Больше ни одного слова мужчина не произнёс, повернулся к ней спиной и двинулся по узкому, тёмному коридору, держа над головой в

левой руке короткий факел.

Шли долго, коридор вилял, перешёл в широкую лестницу и огромную комнату с высоким потолком и розоватым каменным полом. В дальнем конце комнаты, на возвышении стоял длинный стол, из-за него торчала высокая спинка золоченого кресла и по бокам от этой спинки замерли два настоящих рыцаря в латах! Или это просто латы, для украшения? Без живых людей внутри? Спросить Ирэн не решилась. Прошли и эту комнату, и ещё несколько полупустых, потом снова узкий коридор, винтовая лестница и на втором этаже – высокие двустворчатые двери с густой резьбой...

Мужчина, сидящий в комнате за столом, уставленном тарелками с развороченной едой, раздербаненными тушками курицы, обломками пирогов и огрызками хлеба, был пьян. Давно и сильно...

Мутно посмотрев на открытую дверь, в которую под крик:

– По приказу владетельного лорда Беррита – госпожа Ирэн! – робко вошла худощавая светловолосая девушка, он мотнул головой, словно отгоняя муху, потом мотнул ещё раз и рывкнул:

– Питер! Вина!

Подросток, лет десяти-двенадцати, одетый в затейливый костюм, половина из которого была коричневой, половина – жёлтой, подскочил

к лорду, взял со стола высокий узкогорлый кувшин и, неуверенно поболтав им в воздухе, заявил:

– Красное закончилось, мой лорд! Прикажете подать вам белое?!

От кубка, брошенного крепкой, но неверной рукой, Питер привычно увернулся, а его лорд, промывав что-то совершенно бессмысленное, ткнулся красным отёчным лицом в скатерть...

3

Питер выглянул в коридор, махнул кому-то рукой и сказал:

– Лорда нужно отнести в опочивальню!

В комнату, где застыла у дверей Ирина Викторовна, прошли трое крепких мужчин. Двое – точно слуги, а один, вроде бы – солдат. Вон какой меч на боку мотыляется.

Привычно подтолкнули лорда с кресла и, когда он стал заваливаться, двое взялись за руки и плечи, а один нёс ноги лорда. Питер шёл впереди и освещал дорогу факелом.

Спальня лорда была довольно близко, пришлось только пройти по чуть выгнутому дугой широкому каменному коридору со следами копоти на стенах и потолке.

Огромный полукруглый зал с огнём, полыхающим в камине, не просто костерок – злобно ревящее пламя, пожирающее целое толстенное бревно. Это не мешало гулять по комнате мерзким сквознячкам и пошевеливать края тяжёлых штор, балдахина, играть бахромой каймы двух низеньких табуреток.

В центре зала – кровать размера кинг сайз, с тяжёлым пологом, с кучей тряпья и подушек, сваленных довольно бессмысленно и неряшливо. Бельё пованивало нечистоплотным пропотевшим мужиком. Фу-у-у... Ну как так жить-то можно! Воды что ли нет?!

Ирина Викторовна смотрела, как слуги, на счёт:

– И-и-и-рраз, и-и-два, и-и-три – забросили лорда на кровать. Питер заботливо укрыл ему ноги и накинул что-то вроде одеяла на туловище. Снять с него обувь никто даже не подумал.

– Вы, госпожа Ирэн, напрасно ждёте... Лорд, бог даст, только к вечеру проснётся. – Питер вопросительно смотрел на Ирину Викторовну и, очевидно, ждал что она уйдёт. Но, как ни странно, сцена с пьяным «папочкой» её вовсе не ужасала. Она такое сто раз видела, разве что – менее пафосно, без прислуги и без обращения – мой лорд.

Поэтому она оглядела комнату и, решив, что здесь она никому не

помешает, а её никто и не найдёт, заявила:

– Питер, я останусь с отцом.

Несколько растерянно, но Питер послушно кивнул головой и пошёл к выходу.

– Впрочем, погоди. Отведи меня сперва на кухню.

– На кухню, госпожа Ирэн?!

Кажется, Ирине Викторовне удалось удивить мальчишку.

– Но что вы там будете делать, госпожа?! Давайте я лучше позову повара сюда, и вы сможете приказать всё, что желаете!

– Хорошо, зови повара.

Спорить Ирина Викторовна не собиралась. Но она прекрасно умела обращаться с пьяными и совершенно точно знала, что нужно похмельному мужику.

Через час, в результате долгих препирательств с толстяком в заляпанном жиром фартуке, имени которого она так и не узнала, и с надменной тёткой, к которой все обращались «мадам Векс», слуги, переглядываясь, принесли всё, что потребовала Ирина Викторовна и двухстворчатую дверь, наконец, закрыли.

«Папа» мирно похрапывал на кровати, периодически выводя особо сложную и витиеватую руладу, а Ирина Викторовна внимательно смотрела на кучу вещей, которую принесли по её просьбе. Просить пришлось, конечно, долго, не один раз повторяя и объясняя, чего, ей, собственно, нужно.

Огромная пустая корзина. Котелок литра на четыре, в котором лежала луковица, чищенная морковь и приличный кусок сырого мяса и сверху небрежно была брошена промытая свиная голяшка. Большой котёл с холодной чистой водой, что-то вроде пивной кружки из блестящего металла с крышкой. Небольшая груда тряпья.

Отдельно, на подносе, что установили на столе, в крошечных мисочках лежали горками соль, какая-то серая невнятная масса, перец горошком, ровно пять штук, как она и просила, небольшой каравай хлеба, пара ложек и хороших размеров тесак. Про доску для разделки мяса она просто забыла.

Первым делом Ирина Викторовна собрала со стола грязную посуду. Не хватало ещё в таком свинарнике сидеть! Скидала в корзину и выставила за дверь. Оглядела стоящих по обе стороны двери вояк – им, пожалуй, приказывать не стоит.

Так-то приятно, что она в теле местной принцессы очнулась. Но, судя по тому, что видела вокруг – не совсем принцесса тут главная.

Жаль, что Питер этот самый куда-то исчез. И спросить-то не у кого, где кухня и куда унести объедки! Вояки вон глаза таращат и молчат. У такого спросишь – а он как рявкнет!
Ну-ка, от греха подальше...

Бог послал, не иначе, идущую по коридору служанку, которая тащила стопку чистого белья.

– Стой-ка, девушка!

Служанка несколько неловко поклонилась, прижимая бельё к себе, и уставилась на Ирину Викторовну серыми блёклыми глазами. Крепкая женщина лет тридцати. Сгодится.

– Отнеси бельё, милая, и приходи мне помочь.

Служанка покивала головой, ещё раз поклонилась и припустила по коридору, нервно оглянувшись.

Ирина Викторовна терпеливо ждала, пока служанка вернётся. А как вернулась, вручила ей корзину и попросила отнести на кухню.

– И ещё, захвати там, милая, доску, для разделки мяса. Забыла я сразу-то сказать.

В комнате Ирина Викторовна сняла тяжёлую бархатную скатерть со стола, подошла к одному из окон – вытряхнуть бы крошки и мелкие кости. Только окно оказалось очень странным. Узким, высоким, собранным из небольших квадратиков стекла. И оно – не открывалось! Совсем.

Это как же они его моют-то?! Неужели каждый раз нанимают этих парней, которые на веревочках с крыш свешиваются?!

Слова – промальп/промышленный альпинизм/ – Ирина Викторовна не знала, но таких мойщиков видела на самом высоком здании у себя в городе – на бизнес-центре. Так ведь дорого поди, нанимать-то каждый раз? Укоризненно покачав головой, она вышла в коридор, прошла по дуге мимо кабинета до лестницы и, оценив грязь на полу, наконец-то вытряхнула скатерть.

По лестнице кто-то поднимался и, просто из любопытства, Ирина Викторовна задержалась на несколько секунд. Поднималась та самая служанка, таща в руках огромное деревянное блюдо с низким бортиком. Конечно, не доска для разделки, но и так сойдёт. Они тут вообще странно все живут.

– Пойдем-ка, милая, поможешь мне. Зовут-то тебя как?

– Шанта зовут, госпожа Ирэн.

Экое имя диковинное – Шанта. Нормальных-то имён что ли у них тут и совсем нет?! Вздохнув, Ирина Викторовна отправилась было в комнату, но сзади кто-то ухватил складку тяжелого бархата, который она привычно кинула на плечо.

– Госпожа Ирэн, давайте я понесу.

Ирина Викторовна удивлённо воззрилась на Шанту. Чай и сама она не немощная, да и это – просто скатерть. Не мешок картошки, не надорвёшься одной нести. Мгновение подумала – может быть, принцессам и не положено так делать? Пожалуй, стоит эту Шанту послушаться. Но как неловко-то! Даже
как-то стыдно – молодая девица с пустыми руками, а рядом женщина старше и блюдо несёт, и комок скатерти на ней же. Вздохнула, сняла скатерть с плеча служанки и пошла в покои «папы».

На деревянном блюде разложила овощи и мясо. Зачерпнула кружкой воды из котла, залила голень и подвесила в камине на один из крючков. Туда, где огонь поменьше. Хороший бульон требует долгой варки и медленного огня. Посмотрела на служанку, что так и стояла, опустив руки, у дверей. То ли пройти стесняется, то ли боится

«принцессу»? Так дело не пойдёт!

– Шанта, ты, милая, проходи, у дверей-то не стой. Веник нам нужен, да и для полов тряпка не помешает. Порядок будем наводить пока этот – Ирина Викторовна мотнула головой в сторону храпящего тела – отсыпается. А как проснётся – отпаивать будем. С похмелья-то мужики злые, сама небось знаешь.

За день успели очень много. Оттёрли и отмыли почти всё, что стояло в комнате. Дубовый тяжеленный стол оказался не мыт с момента изготовления, не иначе. Конечно, скатёркой цветной прикрыть грязь – милое дело, только
нельзя же так!

Стулья, каминная доска, стены, на сколько хватило их роста и высоты стульев – всё было отдраено. С потолка длинной палкой с намотанной тряпкой сняли паутину. Пол тщательно подмели и дважды промыли. Запах в комнате стал значительно свежее. Если бы не лорд, дышащий застарелым перегаром, то и вообще бы отлично было.

Питер, которого уставшая Шанта притащила примерно в середине дня, без конца бегал на кухню и по разным поручениям.

Сперва, явившись на зов «госпожи Ирэн», пробовал было возражать:

– Госпожа, для этого слуги есть, а я паж!

Кто такой паж Ирина Викторовна себе представляла из книг. Пажи носят книги и корзиночки с рукоделием за прекрасными дамами. И ещё играют на лютне, развлекая этих самых дам. Но паж у мужчины, наверное, должен делать что-то другое? Не только же кубки с вином подавать.

– Питер, скажи мне, в чьи обязанности входит устроить лорда спать? Кто должен это делать?

– Так я же и устроил, госпожа Ирэн!

– Ты его кинул как собаку! Даже обувь не снял! Это разве дело?

Смотри, Питер, бог накажет за такое пренебрежение.

Нельзя сказать, что Ирина Викторовна была сильно верующим человеком. Всё же она и пионеркой была, и комсомолкой. Но потом, с подачи свекрови, она и на Пасху в церковь ходила – куличи святить, и свечи научилась ставить, и даже «Отче наш» выучила наизусть. Ну, это когда ещё думала, что свекровь её полюбит со временем. Надо сказать, симпатии свекрови она так и не получила, но привлекать бога в домашних спорах – научилась.

Питер помолчал, потоптался у приоткрытой двери, явно желая сбежать по своим личным делам, потом вздохнул и пошёл разувать лорда.

К вечеру, когда туша на кровати начала слегка шевелиться и постанывать, всё было готово. Томился в котелке густой мясной суп, куда Ирина Викторовна влила в самом конце ещё и чашку капустного рассола. Готов был тазик с горячей водой и чистой салфеткой – обтереть лицо и грудь, как лорд проснётся. А в кружке, в тепле, стоял наваристый, кисловатый от капустного сока бульон. С перчиком и лаврушкой. Душистый и способный снять жажду от любого похмелья.

Лорд на кровати заворочался, засипел. Это был важный и ответственный момент!

Ирина Викторовна отжала тряпку, прикоснулась к своей щеке – температуру проверила и быстро, привычными движениями, протерла лицо, волосатую грудь в глубоком вырезе несвежей рубахи и складки шеи. Лорд неуверенно пытался отмахиваться, но где же ему было сладить с ловкостью и сноровкой весьма опытной в таких действиях

«дочери».

Наконец, лорд Беррит открыл глаза и засипел, явно стараясь что-то сказать. Не давая ему возможности потребовать вина на опохмелку, Ирина Викторовна сунула ему под нос умопомрачительно благоухающую ласково сказала: кружку с горячим бульоном и

– Папенька, выпейте. Это сразу же поможет!

Слово «папенька» она тоже знала из романов об аристократках.
Конечно, потом она «папеньке»
выскажет, что так пить нельзя. Но
сперва, всё же, чтобы скандала и склок в семье не было, мужика нужно
привести в чувство. А уж потом воспитывать. И воспитанием она
собиралась заняться уже скоро. Опыт у неё был большой.

4

Пока госпожа Ирэн проводила странные манипуляции с лордом,
Питер напряженно всматривался в её действия – кто знает, вдруг да
поможет?! Вдруг да не станет лорд орать и швыряться чем ни попадая?

Питеру исполнилось уже двенадцать, он был взрослый и точно
знал, как ему повезло попасть к лорду Берриту в услужение. Сам он –
второй сын безземельного рыцаря. Всего и имущества у семьи – дом
каменный да огород здоровый. С того и живут. В неурожайный год
голодом сидят, мясо – только в праздники. А в пост и вообще – овсянка
на воде. Вроде как во славу Господа бога нашего, а на самом деле –
потому что жрать нечего и кладовые полупустые. Старшему сыну,
Салму, этот дом потом отойдёт. А ему, Питеру, и вообще надеяться не
на что. Благо хоть, других детей лорд Фетенг и его леди не наплодили.

Так что и сытую жизнь, и относительно лёгкую службу Питер
очень ценил. Глядишь, потом лорд Беррит и приставит к какому делу.
Хорошо бы, конечно, войну! Вот уж тут бы Питер своего не упустил!
Уж он бы! – Питер сладко зажмурился – и добычи бы набрал всякой
разной, и матери бы на новое платье привёз ткани. Даже, может, на два
платья! И на пьяного лорда не смотрел бы больше – свой бы дом
купил! Вот так!

Питер обратил внимание, что Шанта, при пробуждении лорда
стоявшая в дверях с корзиной, выскользнула в приоткрытую щель –
должно, побежала леди Беррит
докладывать, не иначе.

– От же зараза какая! – только и успел подумать Питер, как
шевеление лорда на кровати снова
привлекло его внимание.

Лорд усаживается, а госпожа молодая ему подушки под спину
пихает.

Конечно, лорд не из самых худых, ясное дело. И богатый – аж
страсть! И зря – редко обижает. Но как в запой уйдёт – хоть святых
выноси! Пьёт и богохульствует, когда три дня, а когда и всю неделю.
Тогда Питеру приходится не очень-то весело – прислуга прячется, на
солдат своих лорд никогда не орёт, а вот запустить в пажа чем попало –
это всегда пожалуйста, это мы – легко... Или заставляет песни петь
военные. Ну, один-то раз почему не спеть, не потешить лорда? А

ежели лорд не уснул – и второй раз можно. Но когда подряд одно и то же шесть, а то и восемь раз – тяжело, да и горло болит на утро. Петь же надо громко, с «ва-ду-шев-ле-ни-ем», как лорд говорит.

Это самое воодушевление представлялось Питеру всегда одинаково – красное пьяное лицо самого лорда, пытающегося своим бизоньим голосом орать, багровея от натуги ещё больше. Вздутые на лбу и шее вены, беспорядочные движения пустой руки по скатерти и ложка, уже погнутая от того, что лорд отбивает такт, молотя ей по столу.

Госпожа Ирина уже споила своему отцу почти всё, что находилось в кружке. Лорд сидел спокойно, пил большими глотками варево, периодически переводя дух и уже даже глаза открыл. А госпожа тихим голосом проговаривала:

– Вот, папенька, сейчас чуть передохнёте – да и обмоем вас. И бельё поменять вам нужно. Не дело это – на грязном спать. От этого сон у вас тяжёлый и беспокойный будет.

И этак все ласково, без слёз, без скандала, не суетясь...
Распахнулась дверь и в комнату ворвалась леди Беррит.

Странная она леди, конечно. Вроде уже не молоденькая, а как похмелиться лорду принесет – так завсегда огромный кувшин!
Вроде и не понимает, что нельзя столько!

– О, дорогой мой, я представляю, как вам сейчас плохо! Вы просто разрываете мне сердце, когда так пренебрегаете своим здоровьем! Вот – леди указала на служанку, державшую в руках нагруженный поднос, – вот, я принесла вам вина, мой лорд, горячего и со специями! Я лично проследила, что кладут в котелок! Там всё, как вы любите – перец, корица, бадьян и красное вино. Сейчас мы поправим вам здоровье, мой дорогой.

Леди говорила мурлыкающим голосом, вскидывала и заламывала руки, прижимала к груди, а служанка уже подходила к «телу» со своим грузом.

– Я лично налью вам вина, мой лорд!

Лорд на некоторое время завис, ещё не понимая, хочет ли он просто полежать или стоит выпить вина, зато у Ирины Викторовны оторопь прошла мгновенно. Именно так действовала свекровь-покойница, ещё когда жила в своей деревне и они, молодые и влюблённые, ездили к ней в отпуск. Тогда она только робко просила у

«мамы» не давать с утра столько. Потом-то, конечно, научилась справляться. А уж дома муж и вообще соблазнов таких не видел.

Так что, споро поднявшись с кровати, Ирина Викторовна

«уступила» место при «папеньке» леди Беррит, а сама, даже особо и не прячась, подошла к служанке, взяла поднос и кинула на пол.

Получился большой «бэ-э-энц», от которого у присутствующих заложило уши. Медь и камень при встрече дают такой эффект. Служанка приоткрыла рот, но, посмотрев на Ирину Викторовну, снова захлопнула. Соображает, значит.

Конечно, так-то Ирина Викторовна – человек мягкий, хоть верёвки из неё вей. И скандалов пуще всего боится. Но не тогда, когда дело пьянки касается! Уж тут она на смерть биться будет! Всегда у неё понимание было – не держи она мужа «за горло» – спился бы ещё молодым.

– Что-то я, папенька, сегодня неловкая какая-то... Ну, да не беда, сейчас кликну Шанту, она и приберёт. Так-то мы уже всё помыли в комнате, обидно, конечно...

Леди Беррит, закусив губу, смотрела, как растекаются по полу, слегка паря, литра два пряного горячего вина, и понимала – конец! Запой, похоже, окончен. Это было очень некстати!

«Папенька», оттолкнув леди, слез, наконец-то, с кровати. К нему кинулся Питер, помог надеть странные туфли-башмаки, расширяющиеся к пальцам, похожие на лапу зверя, а не на удобную обувь.

– Вы бы, папенька, приказали ванную вам приготовить. А я вам ещё супчику вкусного налью, вам и станет сразу лучше.

Сам папенька, всё это время молчавший, только сипевший изредка да пытающийся прокашляться, буркнул:

– Ну, прикажи, что ли, ванную. Пусть греют. А я, пожалуй, ещё поем. Какой там у тебя суп?

Ирина Викторовна и сама бы сбегала и приказала. Да вот беда – куда бежать-то? Потому, напоминая себе, что она «принцесса», поманила Питера пальцем. И чего мальчишка прячется за балдахин? Услужил лорду – и опять туда. Даже странно. Но к ней вышел тут же.

– Питер, будь добр, проследи, чтобы начали греть воду и приготовили папеньке ванну.

Он только молча кивнул головой и выскочил за дверь. Папенька, в это время, уселся за чистый стол и чего-то ждал.

Служанка, так вовремя закрывшая рот, метнулась к расставленным на тумбочке в углу мискам и кувшинам, назначение которых Ирина Викторовна не слишком поняла, когда отмывала. Вроде

бы и не место этакому в спальне? Налила в одну из мисок воды и преподнесла лорду. Он пополоскал кончики пальцев, вытер руки о длинное полотенце, что висело на плече служанки и, сопя, уставился на молчавшую леди Беррит.

– Ну, долго ли ещё ждать?

– Сейчас-сейчас, мой лорд!

С леди, наконец-то, спала излишняя молчаливость, она что-то зашипела служанке, которая выскочила из комнаты просто бегом.

– Сейчас, мой лорд, вам принесут приличную посуду и...

– Ирэн! Суп где?!

Чиниться Ирэн не стала – подвинула «папеньке» чистую глиняную миску, в которой раньше разбирала мясо и голень и, прихватив тряпкой котелок, щедро плеснула густого варева.

Папенька понюхал, зажмурился от удовольствия и, полностью пренебрегая ложкой, отхлебнул суп через край. Выпил весь бульон, довольно крикнул и захватив пальцами рубленого мяса отправил всю кучу в рот. Потом, правда, решил, что ложкой будет сподручнее...

Ирина Викторовна стояла и наблюдала процесс поедания супа с удивлением. «Папенька» тут самый главный, это понятно, и, видать, не бедный он – вон какой домина и слуг сколько! А руки жирные вытер прямо об те суконные штаны, что на нём надеты!

Леди Беррит вон тоже к столу подседа и вообще, не стесняясь, руками из тарелки таскает кусочки мяса. Ну, она хоть об платье своё не вытирается. Дикие они какие-то все, аж жалко людей!

Самой Ирине Викторовне, что характерно, присесть никто не предложил – дикари, как есть – дикари!

Впрочем, особого желания сидеть с ними у нее и не возникло. Напротив, понимая что «папенька» из запоя вышел, она размышляла, как бы ей попасть в свою комнату – сама-то не найдет среди этих лестниц и залов.

Тем временем папенька, сыто отдуваясь, откинулся на спинку стула и спросил:

– А что ты тут делаешь, Ирэн?

Этот вопрос вызвал необыкновенное оживление леди Беррит.

– Мой лорд, вы просто забыли! Вы вызвали вашу дочь затем,

чтобы наказать её! Она была крайне непочтительна со мной, назвала меня госпожой Беррит, представляете? Я хочу, чтобы вы примерно наказали её за дерзость! Вы же не откажете мне в такой малости?!

Ирина Викторовна молчала, не зная, как правильно сказать, лорд тоже молчал, а леди Беррит заливалась:

– ... и на глазах всех слуг так унизила! Я просто не понимаю, как она могла, ведь я практически заменила им мать! Я пришла проведать её, узнать, как самочувствие после того падения! Более того, мой лорд, она и вас ухитрилась оскорбить! Понимаете? Прямо так и заявила:

«Знать не знаю никакого лорда Беррита!».

Отец перевёл тяжёлый взгляд на госпожу Ирэн.

– Папенька, мне странно говорить об этом, но я действительно плохо помню всё. У меня на затылке огромная шишка и рана. Возможно, что-то я повредила в голове. Там засохшая кровь, а я даже не знаю, как и где упала. И имена слуг забыла.

Папенька слушал эту неуверенную речь и сопел, ничего не говоря. Возможно – обдумывал. Наконец, заворочался в кресле, как медведь спросонья, и спросил:

– Миранда, откуда у Ирэн рана на голове?

– Она упала с лестницы, мой лорд, ничего серьёзного там нет, лекарь смотрел её. Сказал – завтра очнётся. Она же и очнулась!

– Миранда, а почему лекарь не промыл её рану? Почему этого не сделала ты? Где твои чёртовы девки, что шьют и портят ткани целыми днями?! Ты не могла отправить хоть одну из них, чтобы дочь лорда Беррита была под присмотром?!

– Мой лорд, но с ней всё время была Анги!

Кулак лорда хряпнул по столу и наступила тишина...

Леди Беррит прижала руку к сердцу, но рот открывать больше не рисковала.

Лорд злобно попыхтел и заговорил:

– Миранда, ты – дура! Я подписал брачное соглашение! Через две недели приедут женихи! А она даже не помнит имени рода! Ты окончательно ополоумела и заигралась! Пошла вон, и не смей выходить из своих покоев!

– Мой лорд, но я...

– Во-о-он!

Леди вымелась из покоев мужа почти бегом, а растерявшаяся Ирина Викторовна осталась. Очень слабо представляя, что нужно делать сейчас.

5

Лорд сопел и злился, Ирина Викторовна так и стояла перед столом, опасаясь даже переминуться с ноги на ногу, хотя и натопталась за целый день с уборкой так, что ныла поясница и ломило плечи.

И всё же... Всё же не та это усталость, что была раньше. Молодое тело давало восхитительное чувство силы. Абсолютно понятно было, что если полежать минут тридцать, то можно снова вскакивать и работать дальше. Нет больше тянущей душу усталости и неловкости, понимания, что вот это ты ещё можешь сделать, а вот на это уже и сил не хватит. А особенное удовольствие доставляло новое, совершенно замечательное зрение. Видеть каждую мелочь, буквально – песчинку на полу и ниточку в полотенце – прекрасно! Казалось, мир вокруг неё сбросил мутную пелену и нарисовался заново. Свежими и чистыми красками.

– Ирэн! – папенька рывкнул так, что Ирина Викторовна вздрогнула от неожиданности – Ирэн, сядь!

Поискав глазами место, Ирина нашла только одно – свободный стул леди Беррит. На него и присела, робко, на самый краешек, в процессе постаравшись отодвинуть его от папеньки максимально далеко. И сделать это – максимально незаметно. Побаивалась она его, что уж тут...

Мужик посмотрел на неё воспаленными глазами, потёр мощной лапой грудь в вырезе грязной рубахи, чуть сморщившись при этом, и спросил:

– Что у тебя с головой?

Ирина Викторовна потупилась и попыталась объяснить:

– Я, папенька, видать, стукнулась сильно. Когда вижу человека и мне говорят, кто это, тогда, вроде как, узнаю... Как очнулась, сперва даже испугалась сестры – показалась незнакомой она. А заговорила – я и вспомнила... Анги тоже не сразу узнала, только когда по имени её назвали. А если только имя слышу – то не знаю, как человек выглядит. Мне бы человека приставить, который всё покажет и расскажет. А там, бог даст, я и вспомню остальное.

– А меня ты как узнала?

– Сразу же, папенька! Как увидела – так и узнала! – Ирина преданно посмотрела в глаза лорду – А вот когда леди Беррит вас по имени назвала – не поняла, про кого она говорит. А она не стала

разбираться, а побежала вам жаловаться. Зато, как меня привели к вам

– так я вас, слава богу, и вспомнила, вы же мой папенька!

Отец глядел на неё с некоторым недоумением. Очевидно, с похмелья он всё же соображал не лучшим образом, а сама Ирина не представляла, как ему ещё раз подсказать, что ей нужен сопровождающий, который покажет замок и всё объяснит и назовёт. Как ему, такому... горластому, страшному, вообще люди перечат?! Или с ним никто и спорить не рискует?

Дверь отворилась и Питер, робко заглянувший сперва в щёлочку, довольно уверенно встал в дверях и провозгласил:

– Ванна для лорда Беррита готова!

«Это что ж они этак пафосно про самые обычные вещи объявляют?!» – недоумевала Ирина.

На лице лорда же, в то же время, нарисовалось облегчение.

Кажется, он принял решение.

– Питер, до приезда жениха ты будешь прислуживать госпоже Ирэн! Будешь отвечать на все её вопросы. И смотри мне – лорд погрозил мальчишке сосискообразным пальцем – проболтаешься – прикажу выпороть на конюшне!

Потом ещё с минуту попыхтел и добавил:

– И выгоню к чертям!

Питер, похоже, не сразу осознал, к добру или худу такие перемены, но и возражать не осмелился. Только вопросительно уставился на Ирэн. А та, от облегчения, машинально перекрестилась. Папенька, всё это время смотревший на неё, наконец-то чуть смягчился:

– Ну, хоть о Господе боге нашем помнишь, уже хорошо... И ты, это... С отцом Карпием сильно не болтай! Мало ли, что он там себе придумает...

Кто такой отец Карпий Ирина представляла себе плохо, хотя, если подумать... «Отец» – священник местный, что ли? А если леди Беррит ему наболтает?! Кроме неё ведь никто и не знает, что у Ирины с памятью плохо.

– Папенька, а если ему леди Беррит...

– Язык вырву! – рыкнул лорд. Тяжело опираясь на подлокотники, встал с кресла и приказал: – Питер, кликни ко мне леди... И идите уже оба отсюда, надоели...

Леди Беррит, получив от Питера приглашение посетить мужа, вздохнула и отправилась к его покоям в сопровождении служанки, а Питер, глядя ей в след, спросил:

– Теперь куда, госпожа Ирэн?

Ирина задумалась. Очень хотелось в туалет. Хотелось есть и пить.

Хотелось хоть немного побыть одной и подумать, но туалет – важнее.

– Питер, где у вас дамская комната?

– Какая комната? – Питер вытаращил глаза на странно говорящую девушку.

– Ну... такое место, куда люди ходят... Ну, как ты не понимаешь! Ирина была почти в отчаяние. Лучше бы к ней Шанту приставили, всё же она женщина. Говорить о таком с мальчишкой – неудобно. А если у неё лунные дни начнутся?! Да и вообще... С девушкой – проще. Но тут, глядя на переминающуюся и смущённую

госпожу, Питер и сам додумался.

– Вам, госпожа Ирэн, в гардеробную комнату нужно?

– Да нет, же, Питер... Мне нужно в комнату, где можно... – Ирина, наконец-то, подобрала слово – можно облегчиться!

– Ну, так гардеробная и есть!

При этом оба смотрели друг на друга с недоумением. Наконец, Питер решил:

– Следуйте за мной, госпожа Ирэн.

Место, куда он привёл Ирину, было странным. Даже очень странным! Запах сбивал с ног ещё на подходе, и Ирина поняла, что это и есть туалет. Питер открыл для неё тяжёлую дверь, за которой оказалась ещё одна, точно такая же.

– Вот, сюда надо? – мальчик смотрел вопросительно.

Ирина порозовела, кивнула ему – подожди, мол, и толкнула вторую дверь. Комната была не так и мала, примерно четыре на четыре метра, ну, может чуть меньше. Деревянная крышка подсказала ей, где именно расположено искомое. Станным ей показались две вещи. Во-первых, находились они на третьем или четвёртом этаже, значит все отходы должны лететь до самого низу?! Во-вторых, стены туалетной комнаты были в несколько слоёв увешаны разнообразной одеждой,

мужской и женской. Понятно, почему Питер назвал комнату гардеробом, но вот зачем хранить одежду в столь вонючем месте?!

Вместо туалетной бумаги она нашла висящую рядом с отхожим местом корзину, наполненную кусками мха. Ну, выбора не было всё равно...

Питер, увидев, что госпожа выходит из нужника, подскочил и, глядя в глаза, спросил:

– Что теперь, госпожа Ирэн?

– Питер, я бы хотела помыть руки.

– Умыться?!

Ирина вздохнула и согласно кивнула головой:

– Да, Питер, умыться.

Секунду подумав, Питер потащил её по коридорам, не забыв прихватить из стоящей на полу корзины готовый факел и подпалить его от одного из тех, что сейчас горели в коридоре. Довёл он Ирину до той самой комнаты, где она очнулась утром, распахнул перед ней дверь и провозгласил:

– Госпожа Ирэн!

Чувствуя некий идиотизм ситуации, Ирина вошла в комнату, где находилось в это время человек шесть или семь и застыла, не слишком понимая, что именно нужно делать. Зато Питер, похоже, прекрасно знал и ни сколь не смущался:

– Анги, госпожа Ирэн желает умыться! – всё это он, очевидно по привычке, произнес, а точнее – провозгласил громко и уверенно, так, что теперь на них смотрели все обитатели комнаты.

Первой очухалась Анги. Подхватив под локоток госпожу, она потащила её в угол комнаты, за высокую трёхстворчатую ширму, где на небольшом столике стояли два кувшина с водой и пара мисок. В одну из них она и плеснула воды, подхватила со стены одно из полотенец и замерла, ожидая, когда госпоже оно понадобится. Ирина брезгливо посмотрела в миску, со следами чего-то серого по краям. Явно, после каждого умывания воду просто выплёскивали, но посудину мыть не удосуживались. Внутренне содрогаясь, пополоскала кисти в воде, вытерла полотенцем, что подсунула ей Анги и вышла из-за ширмы.

В это время «сестра», та самая шатенка, что спала с ней утром в одной кровати, приступила к допросу Питера:

– Ты так и будешь здесь торчать?

– Это приказ лорда Беррита, госпожа Санти.

– Что?! Он так и приказал, что ты будешь у нас жить?!

– Нет, прекрасная госпожа Санти, он приказал, чтобы до приезда жениха я везде сопровождал госпожу Ирэн.

– Это ещё зачем? – Санти гневно посмотрела на вышедшую из-за ширмы Ирэн. – За что это тебе такая честь?!

Ирина сочла нужным пояснить:

– Лорд Беррит приказал Питеру следовать за мной потому, что я плохо себя чувствую. А скоро женихи приедут наши, сама же знаешь...

После этого, твёрдо взяв Питера за плечо, вывела его из комнаты и сказала:

– Питер, нам срочно нужно поговорить. Так, чтобы не мешали.

Подумай, мальчик, где это можно сделать?

6

Питер каким-то привычным жестом почесал затылок, изрядно растрепав свои кудри, а потом спросил:

– Может, госпожа Ирэн, в часовне посидим? Отец Карпий-то уже того... С утра ещё начал, – он абсолютно недвусмысленно шлёпнул по горлу двумя пальцами – так что и не придёт сегодня больше, сами знаете.

Ирина согласно кивнула головой. Освещая ей путь факелом, Питер долго бродил по коридорам и лестницам и, наконец, привел её к тяжёлым двойным дверям с резными крестами на створках. Внутри было темно, сухо и прохладно, в два высоких узких окна заглядывала темнота, еле разгоняемая крошечными огоньками трёх лампадок возле икон. Специфический запах ладана, воска, ещё чего-то, не слишком понятного, но связанного в памяти Ирины Викторовны именно с церковной службой.

От входной дверей, налево и направо, стояло по четыре широких скамьи. У передней, самой удобной, со спинкой и подушечками на сидении, он остановился и, показав Ирине рукой, что сесть нужно сюда, закрепил факел в кольцо на белёной стене. Садиться сам не стал, стоял и смотрел на госпожу, ожидая приказаний.

– Садись, Питер. Долго говорить – устанешь стоять.

На скамью мальчишка не сел, выдвинул из-под неё небольшую табуретку и устроился у ног Ирэн, вопросительно поглядывая на неё.

– Питер, ты слышал, о чём я говорила с лордом Берритом? – называть мужика папенькой без нужды Ирина не хотела. Как-то уж слишком нарочито звучит, непривычно ей.

Питер помялся-помялся, потом, всё же, сознался:

– За дверями я стоял, ждал, пока говорить закончите...

– Значит, слышал и понял.

– Да не очень, госпожа Ирэн. Вроде как, головой вы треснулись?

И от этого всё забыли?

– Да, так и есть.

– Но ведь меня-то узнали! – и потыкал пальцем себе в тощую грудь.

– Питер, я тебя узнала, когда лорд назвал. А сама – так не могу вспомнить. Поэтому лорд Беррит и приказал, чтобы ты всё время был при мне и тихонько подсказывал, кто и что. И на вопросы отвечал. И, упаси бог, никому об этом не говори! Иначе – сам помнишь, чем лорд грозился – выпорют тебя...

Думал Питер не слишком долго. Всяко, эта работа будет и ещё полегче, чем у лорда. Так-то, с девками, хоть и высокородными – проще, чем с пьяным хозяином. Ну, а на вопросы ответить – и вообще не сложно. Пуцай спрашивает, ежели чего забыла. Но первый же вопрос ввёл его в ступор:

– Питер, почему в гардеробе на стенах одежда висит? Там же пахнет дурно очень.

Питер подозрительно уставился на госпожу Ирэн. Смеется она, что ли?! Да нет, лицо вроде обычное, серьезное... А так-то, если разобраться – какая ему, Питеру, разница, что госпожа спрашивает? Может она и правда, как дурочка теперь?! Хоть и не слишком похожа на юродивую Фимку, но кто знает... Но госпожа Ирэн сидела тихо, в голове не копалась, вшей не искала, не хихикала страшным голосом, да и ущипнуть его не пыталась. Проще уж объяснить, что она там спрашивать будет, чем думать разное...

Одежду в гардеробе хранят для избавления от моли и блох. Потом, конечно, её проветривают, перед тем как надевать. И ничего она не воняет! Все так делают, и его, Питера, матушка – тоже так платья бережёт. Только у неё мало что висит в гардеробной – одежда больших денег стоит.

Госпожой можно звать только незамужнюю женщину, а ежели замужем дама за владетельным лордом, то следует ей говорить – леди. Владетельный лорд – это тот, который имеет и земли, и крестьян, и свой замок. Ежели замком владеет вдова лорда, то про неё говорят – леди, в полных своих правах. Ну или просто – леди в праве. А дочь – она просто госпожа, пока замуж не выйдет.

За кого выйдут госпожа Ирэн и госпожа Санти – знает только лорд Беррит. Он, так-то, очень сильно доволен браком. Даже гордится и говорит, что: «Удачно девок пристроил!». Нет-нет, госпожа Ирэн, я-то, конечно, не посмею вас и госпожу Санти девками обозвать! Это лорд мой так говорит! А ещё говорит, что мужья у вас – владетельные лорды будут. Владетельный – это когда земля своя есть и дом большой

или, там, замок, например. Ещё какие бывают? Да всякие! Вот у него, у Питера, отец просто лорд. Замка нет своего и крестьян нет, а из земли – только огород. Но он – тоже лорд! Только не пэр. Иначе бы Питера и не взяли в услужение!

Тут Ирина Викторовна сделала маленькую паузу в расспросах. Пусть в голове хоть что-то отложится. Главное она уже поняла – кто богат, тот и владетельный лорд. Значит, её муж будет богатым.

Сейчас на улице зима и конец месяца дженуария, потому так и темнеет рано. Страна наша зовётся – Англитания, а правит король – Эдуард V. Его ещё в народе зовут Красавчик. Сказывают, что красивый очень и храбрый.

Леди Беррит третья жена лорда. От первой у него госпожа Санти, от второго – вот вы, госпожа Ирэн, а леди Беррит ему сыновей родила. Один пять, вроде, лет назад появился. Только он помер, до года не дожил. Говорят – слабый очень был. Так она ещё одного родила. Сейчас ему полтора года. И зовут его лорд Андре Беррит. Питер тогда ещё дома жил, как он народился, потому подробностей и не знает, но и так понятно, что быть ему владетельным лордом и пэром.

Пэр? Ну, это, госпожа Ирэн, совсем просто! Пэров в стране семьсот семьдесят семь. Сами знаете – божье число! И батюшка ваш – пэр. Он каждый год в столицу ездит по осени и там его сам король принимает! Этой осенью, должно быть, и пажа туда возьмут! Вот там он всё-всё рассмотрит! Но, конечно, пэром быть – очень дорого!

Отец Карпий – противный очень. Как из запоя выйдет, со злости на всех ептимью накладывает. Один раз всем повезло, со злости наказал он лорду Берриту вина не пить аж три месяца! Так-то бы и всегда! Ну, больше так не везло. Какую обычно накладывает? По-разному. Вот Питеру обычно земные поклоны достаются. Один раз аж двести пятьдесят отбил – шишка на лбу была и колени болели. Ну, нет, конечно, до стольки-то Питер считать не умеет, но очень-очень много. А вам обычно – «Отче наш» читать или, например, «Богородице, дево, радуйся». Раз пятьдесят подряд... И вовсе не для благочестия он так, а просто, со злости! И ещё всегда норовит за ухо схватить и

выспрашивать разное. А я, вот крест святой, в жизни не воровал у лорда! Я даже почти не подслушиваю, что говорят они с леди. Вот крест святой!

А госпожа Саня, она такая... Ну, себе на уме, вот какая. Так про неё отец Карпий говорит! Она и не спорит никогда с ним, и на исповедь ходит, и всё, что положено делает, а вот не любит он её. А вас

– любит! Говорит, что вы, госпожа, сердцем чистая и умом скудная, как высокородной деве и подобает!

При словах – «умом скудная» – Ирина Викторовна поморщилась. Так ей и муж покойный несколько раз говаривал. Особенно, когда рыжую свою завёл. Уж потом, после смерти, поняла Ирина Викторовна, что насмеялся он. Да как бы она могла подумать-то так худо про него?! Чай, не чужой человек, считай – жизнь бок о бок прожили. Не мальчик уже был... Из всего, что было – вот эта вот насмешка, пожалуй, и была самой непростительной. Пусть она и наивная, и даже доверчивая дурочка в чём-то, а смеяться и пользоваться таким – мерзко. Предательство это, вот что. Только сейчас, находясь неясно где и ещё не слишком понимая, как тут выживать, она вдруг ощутила, как ворохнулась в груди жгучая... Нет, не обида. Горечь... И понимание, что не стоил её забот покойный Андрей. Первый раз так подумала и испугалась...

На самом деле, очень страшно в конце жизни осознать, что всю её, эту самую жизнь, ты принесла на алтарь человеку, который тобой просто пользовался. Мысль эту Ирина Викторовна попыталась отогнать подальше, но преуспела в этом не слишком. Вцепившись клещом, она всплывала поверх всех остальных, гораздо более нужных и важных сейчас – «Как выжить в этом непонятном мире?», «Как не обнаружить своё незнание самых простых вещей?», «Как вообще такое могло получиться?!». Машинально махнув рукой Питеру, чтобы помолчал, Ирина Викторовна расплакалась...

Расплакалась так, как на похоронах мужа не рыдала...
Растерянный Питер, вскочив с табуретки, неловко топтался рядом,

боясь коснуться руки – не дай бог, госпожа оскорбится! Что делать с рыдающей девушкой, он не знал совершенно. А потом вспомнил, как поучал старшего брата отец, когда его дочка мельника отшила:

– Баба, сынок, хоть какая, а всегда про красоту свою помнит. Ежели ты ей, скажем там, колечко подаришь, то она, конечно, посмотрит на тебя благосклонно. Только в другой раз уже серёжки потребует! Так что лучше и не начинай, дурное это дело! И то сказать, она селянка простая. Ей за счастье должно быть, что на неё рыцарский

сын посмотрел, а она – кочевряжится. Ищи другую, пусть сама тебе в глаза заглядывает. А ты только говори, какая она раскрасавица, да как ты на неё любишься всегда. Тут-то ни одна не устоит!

– Госпожа Ирэн, у вас вон и глаза уже покраснели! Этак вы от слёз подурнеете совсем. Посмотрели бы сейчас на себя!

Госпожа неловко размазала слёзы по лицу рукавом, посмотрела на Питера припухшими глазами и спросила:

– Питер, а где есть зеркало?

Ну вот, теперь-то, конечно, она успокоилась – подурнеть они все страшно боятся. Только вот где он ей зеркало-то возьмёт?! Питер привычно поскрёб затылок и сказал:

– Ежели только к леди Беррит прогуляться? Может – пустит?

В покоях леди не было, зато в нише у входа, под двумя факелами, ярко горящими на стене, сидела женщина лет сорока и что-то сшивала из двух кусков ткани – фиолетовой и красной. Не понять, очередной безумный туалет леди Беррит или лорду шьёт? Впрочем, Питеру было всё равно.

– Нерка, где леди Беррит? Госпоже Ирэн она надобна. Срочно надобна!
– Питер был деловит и настойчив.

– Дак ужинает в покоях лорда... – Нерка отложила шитьё, встала и поклонилась Ирэн.

В замках туалет назывался просто и изысканно – гардероб. Почему это слово нынче используется в ином значении? В туалетах-гардеробах вельможи хранили свою одежду, подвешивая на крюках под потолком. Это делалось не из-за нехватки полезных площадей, а, как ни странно, с гигиеническими целями.

Во-первых, в гардеробах всегда гуляли сквозняки, проветривая камзолы, мантии и рубахи, а во-вторых, в этих помещениях всегда царил аммиачный смрад, который знатно отпугивал насекомых-паразитов.

После такой «дезинфекции» одежду проветривали просто на воздухе. Считалось, что это всё заменяет стирку.

7

Ирэн и Питер переглянулись, стоя на пороге покоев. Идти к лорду не хотелось ни ему, ни ей.

– Нерка, пусть госпожа в зеркало посмотрится? Что-то ей соринка в глаз попала, а я не вижу.

– Думаю, нет греха в таком... Пущай смотрится.

Питер слегка подтолкнул госпожу Ирэн, и она весьма неуверенно зашла в большую комнату.

Здесь пахло чем-то удушающе сладким, пылью, жжёным волосом и свежей выпечкой. Хотелось открыть окно и проветрить. Большая кровать под бархатным бордовым балдахином стояла вплотную к стене. Такой же бархатной скатертью застелен огромный стол. На нём узкогорлый кувшин, два металлических начищенных кубка и огромная тарелка, прикрытая полусферой блестящей крышки. У одной из стен – громадный сундук с блестящими уголками, ещё два в ряд – поменьше. А у стены напротив – что-то вроде плоского шкафа. Туда Питер и направился. Ирэн шла следом, не слишком понимая, где же зеркало.

Питер распахнул створки шкафа и повыше поднял свой факел. Там, в шкафу, пряталось большое зеркало. Ирэн смотрела на себя в первый раз, неуверенно трогая лицо и потягивая прядь выбившихся волос.

Совсем молодая, лет семнадцать, не больше. Тусклые русые волосы, похоже – просто очень грязные и засаленные. Прямой ровный нос, обычные зеленоватые глаза, темные ресницы и брови. Небольшие чёткие губы, сочные, молодые, без морщин вокруг рта и глубоких носогубных складок. На лбу – немного мелких прыщей. Ай, гадость какая! Ирэн нервно провела по лицу – скорее всего, просто от грязи! Ну, ничего-ничего...

В целом-то – совершенно обычная девушка. Не лучше и не хуже, чем, например, Ирина Викторовна была в молодости. Может даже симпатичнее. Худая только очень. Моду на тощих моделей она никогда не понимала.

Платье больно замурзанное. Постирать бы стоило, конечно. Завела руку за спину, стянула платье – вот и фигурка вполне даже

хорошая. Талия тонкая, грудь – между двоечкой и троечкой. И бёдра – хоть сейчас рожай!

Боже мой! Ведь весь день даже не подумала об этом! А на самом деле – она снова молодая! И, возможно, даже ребёночка ещё родит! И бог даст – муж хороший будет! И всё-всё у неё наладится! Экое счастье-то, на самом деле – начать жизнь с нуля и избежать всех-всех ошибок!

Глаза невольно наполнились слезами под укоризненные слова Питера:

– Ну вот, опять!

Госпожа Ирэн решительно вытерла слезу рукавом и сказала:

– Пойдем, Питер, я очень хочу есть! – а про себя подумала:

«Всё теперь будет по-другому, всё!».

В комнате, где её дожидалась сестра, Ирэн, наконец-то, рассмотрела всех присутствующих. Пока ела – так и стреляла по сторонам глазами.

Две тётки, хотя они тут все непонятного возраста, но эти, пожалуй, постарше остальных, лет по сорок. Сидят под факелом, возле высокой рамы, напоминающей мольберт художника. Только вместо картины там закреплён огромный кусок ткани. Края его свешиваются на колени тёткам, и они что-то вышивают, каждая свой угол. А там, где должна быть картина, середина уже вышита ярким золотистым люрексом. Геометрическая какая-то фигня, на крест похоже. Надо будет уточнить у Питера, как зовут женщин.

Ещё одна молодая девушка – Линта, как назвала её сестра, что-то непонятное делает в том углу, где спит прислуга. То ли зашивает что-то, то ли – наоборот, распускает. Темно в том углу и не рассмотришь нормально. Линта эта – личная прислуга госпожи Санти, это уже Ирэн и сама догадалась. А у неё, у Ирэн, есть своя – Анги. Похоже, как у всех принцесс-попаданок есть преданная горничная, так и у неё, Ирэн, тоже есть. Надо только разобраться, что она за человек, эта горничная. А то в одной книге была она подосланной от мачехи и пакостила героине.

Возможно, рассуждения Ирины Викторовны и отличались некоторой наивностью, но она, в целом, рассуждала здраво и по-доброму, так, как её учили в своё время в пионерском детстве. Нельзя в человеке сразу врага видеть, но и недоверием обижать не стоит.

Сама госпожа Санти закончила ужин ещё до прихода Ирэн и Питера в комнату и сейчас сидит за этим же большим столом, только с торца. Перед ней, закрывая её от глаз Ирэн, стоит довольно большой ларец с откинутой крышкой. Из-за крышки Ирэн и не видно, что она там делает.

А Анги стоит прямо за спинкой её кресла и прислуживает ей. Сперва-то Ирэн хотела её отогнать, но потом решила не перечить – тут все лучше неё знают, как правильно себя вести. «Так что просто смотрю и привыкаю» –скомандовала она сама себе. Хотя, конечно, глупо это – ну что, разве Ирэн сама не подвинет себе тарелку или хлеба не отрежет? Да и руки Анги мыла, судя по всему, давненько.

Ирэн нахмурилась – местные понятия о чистоте её нервировали.

В комнату зашла ещё одна женщина, крепкая и низкорослая, она с трудом тащила на ремне, перекинутом через плечо, огромную корзину с крупными поленьями. Подкинула сразу два в камин и села передохнуть.

– Борка, на ночь не забудь ещё принести. А то будет, как этой

ночью, холодина снова... – Санти приказывала, даже не поднимая голову от своего ларца.

Из еды ей предложили довольно мягкий белый хлеб, миску странной похлёбки, хорошо хоть, что горячей. Тут надо Анги спасибо сказать. Пока Ирэн по своим делам бродила, девушка котелок пристроила возле огня. Потому подмёрзшая и усталая Ирэн и наслаждается сейчас горячим варевом.

В похлёбке – кусочки мяса, непонятный сладковатый овощ крупными ломтиками, что-то нарезано плоскими небольшими кругами

– по цвету похожее на не слишком яркую свёклу, а по вкусу – больше на морковь* варёную. Вот только цвет у овоща неприятный... Ещё там было что-то непонятное, добавленное, похоже, для густоты**. Сушёная травка – укроп, вроде бы, и изрядное количество перца. Но есть Ирэн хотелось так, что рассматривать она ничего не стала – работала ложкой. Второе блюдо было представлено половиной жареной курицы. Жестковатой и злобно-перчёной. Отщипнув кусочек, Ирэн решила, что и так сыта.

Десерт лежал отдельно. Анги убрала миску из-под супа, просто сдвинув её на середину стола, где уже стояли грязные тарелки, и подвинула Ирэн круглый медный поднос. На подносе перед ней –

надрезанная головка очень вкусного и мягкого сыра. Плетёная косичкой сдобная булка, ещё даже тёплая. В горшочке дождался мёд, хоть и засахаренный уже, но тоже вкусный. А больше всего порадовала огромная груша. С грубой, пятнистой шкуркой, но потрясающе сочной, маслянистой мякотью. К ней прилагалась большая двузубая вилка. Покрутив её в пальцах, Ирэн отложила грушу и подозвала к себе Питера. Он всё это время сидел на совсем низкой скамеечке у самого входа в комнату.

– Питер, вилка зачем нужна? – спрашивала шёпотом, чтобы никто не услышал. Анги-то, конечно, слышит, но делает вид, что ей вовсе не интересно.

Сообразив, что лучше говорить потише, мальчишка наклонился к её уху и, смешно посапывая, начал обучать:

– Вы, госпожа Ирэн, грушу-то на вилку насадите. Во-о-от... А теперь вон тот нож малый возьмите и шкурку тоненько срежьте... да не так! В другую руку нож-то... во-о-от! А теперь грушу кусайте... Ну, конечно, неудобно, зато пальцы чистые останутся... да, течёт по подбородку-то, конечно... и по вилке течёт, но так принято! Да не я это придумал, этак все высокородные едят!

Груша, не выдержав издевательств, сорвалась с вилки и шлёпнулась на колени Ирэн...

Санти захлопнула наконец крышку ларца, повозилась и закрыла

его на ключик. А ключик прикрепила к небольшой связке у себя на поясе.

– Линта, на место убери! – скомандовала, а не попросила она.

Линта, немедленно бросив своё дело, подошла к ларцу и, с некоторым трудом подхватив его на вытянутые руки, пошла рядом с госпожой Санти. В углу, не замеченными ранее госпожой Ирэн, стояли два длинных расписных сундука. Одним из ключей со своей связки сестра открыла правый, тот, что был украшен зелёными и чёрными полосами орнамента. Линта поставила туда ларец, и госпожа закрыла сундук на здоровый навесной замок.

Второй сундук невольно приковал внимание Ирэн. По логике, принадлежать он должен именно ей. В похожем сундуке, только поменьше и попроще, когда-то, в деревенском доме своей бабушки, она видела всякие интересные штуки. Там бабуля хранила своё добро. И она же рассказывала, что с этим сундуком она и пришла в дом мужа.

– Приданое у меня было по тем временам голодным – богатое, Ирочка. И ситцы даже разные, и шёлковое платье, и бельё постельное. Да уж маменька-то покойница собрала меня любовно, земля ей пухом...

Певучий голос бабули зазвучал в голове, как живой...

Задумавшись и погрузившись в тёплые воспоминания, Ирэн выпустила из внимания то, что произошло с остатками еды на столе.

На медный поднос Анги поставила горшочек с мёдом, положила половину несъеденной булки и прикрыла его высокой полусферической крышкой, такой же, как и та, что Ирэн видела в покоях леди Беррит. А вот половина курицы, груша, так и не доеденная Ирэн, белый хлеб и остатки похлёбки в котелке, не слишком и большие остатки, надо сказать, унесены были в угол комнаты, тот самый, очень скудно освещённый. До сих пор Ирэн не могла рассмотреть, что там за холмы и бугры на полу.

Вся прислуга в комнате, включая Питера, подтянулась туда. И сорокалетние женщины вышивальщицы, шустро бросив работу, поспешили подойти к этому сборищу. Линта подняла с пола корзину, вытащила из неё несколько непонятных, но очень похожих на половинки бурых мячиков предметов, и раздала всем слугам. Она же, взяв котелок с остатками похлёбки, вылила по две-три ложки в каждую протянутую ей половинку. А потом все расселись кружком, кто на тех самых тёмных буграх, кто на низких скамеечках, и начали кусать эти самые половинки.

Ирэн заинтересовалась и медленно, будто бы невзначай, прошла к странному сборищу, встав так, чтобы не заслонять свет камина. На полу лежало что-то вроде огромного деревянного настила с толстым

слоем соломы и некоторым количеством истрёпанных шкур. Именно они и казались в полумраке тёмными буграми.

Слуги ели. Половинки мячей оказались небольшими булочками чёрного хлеба, из которых вынули мякиш. Отрывая верхнюю корочку, они макали её внутрь, в остатки похлебки, и ели. Некоторые уже догрызали дно. Курицу поделили между собой не слишком справедливо. Большую часть получили Линта и Анги, меньшую – вышивальщицы. Питеру не дали ничего, так же, как и уставшей Борке. Огрызок груши так же поделили между собой личные горничные.

*Наши средневековые предки ели морковь, которая по цвету существенно отличалась от привычной нам оранжевой. Сегодня подтверждено существование двух изначальных типов культурной моркови. Восточная или азиатская морковь исторически, благодаря пигменту антоциану, имеет фиолетовую окраску. А в некоторых окраска настолько интенсивна, что стали говорить о чёрной моркови.

** Загущали супы-похлёбки по-разному. Ирэн, очевидно, достался суп, загущённый хлебными крошками. Могли использовать для этого и любую нейтральную на вкус мелкую крупу. Пшено, например.

8

Первые ночёвки в замке Ирэн не любила вспоминать даже много лет спустя.

Грязная сама и грязная сорочка, пропотевшее и, местами, на локтях и подоле, лоснящееся от жира суконное платье. Ей казалось, если его поставить, оно даже не упадёт, а так и застынет нелепым манекеном, где поставили. И холод. Нет, не мороз, но вечное ощущение прохлады из-за гуляющих по комнатам сквозняков, зябкость и, одновременно, неприятная спёртость воздуха.

Заметив, что Питер улёгся в общую кучу на солому и скрутился в жалкий комочек, Ирэн не выдержала. Сняла с себя одну из шкур, встала с кровати, под удивленным взглядом Санти, и накрыла мальчишку. У самой остались ещё три пахучих, но всё же тёплых овчины. Они без конца разъезжались, и прохладный воздух пробирался в тёплый кокон со всех щёлочек. Не спасал даже полыхавший всю ночь камин. Злясь и задаваясь вопросами, почему нет нормального одеяла, почему, бес их всех покусай, нельзя сшить эти шкуры в один плед, а не мучаться, подтягивая всю ночь на себя отдельные куски, она, наконец, уснула.

Утром Ирэн встала злая, как шершень, не отдохнувшая, и с больной головой. Молча раздражённо оделась. Анги деревянным гребнем расчесала ей волосы и сплела толстую косу. Встала на колени и помогла натянуть на ноги тёплые чуни.

Непререкаемым тоном отправила Анги мыть миску до блеска, умылась. Санти молча наблюдала за ней, очевидно, что-то там себе прикидывая. Возможно, вопросы на тему – что с сестрой творится?! Съела овсянку, сдобнив её сливками и мёдом, и строго проследила, чтобы Питер получил свою долю еды. Ему же отдала и половинку сдобной булки с изюмом. Пока повеселевший паж лопал лакомство под ревнивым взглядом Анги, Ирэн, наконец-то, составила некий план действий. Уж какая-бы она принцесса тут не была, а в приданое всяко положили иголки и нитки.

– Анги, где ключи от моего сундука?

– Вот, госпожа, вчера вы так и не спросили про пояс... – Анги порылась в её кровати, где-то под матрасом, и вытащила коричневый кожаный ремень с несколькими маленькими медными бляшками. Ирэн опоясалась и отвязала один из ключей, которые, как и у сестры, крепились каждый на своём шнурке.

Долго ковыряться в сундуке Ирэн не пришлось. Внутри он был разделён на две части тонкой перегородкой. Сверху какой-то мягкой рухляди лежал довольно большой мешочек с яркой вышивкой. В нём и нашлось искомое – иголки, довольно большие и с крупными ушками, клубочки толстых ниток и палочки, похоже заменявшие здесь катушки

– на них были намотаны яркие шёлковые нити хорошего качества.

Там же были несколько неуклюжие ножницы, шило, большое деревянное яйцо. Ирэн недоуменно покрутила его в руках и вдруг – сообразила. Это – грибок для штопки чулок! Не такой удобный, как был у её бабушки, но пользоваться – можно. Раньше ещё и перегоревшими электрическими лампочками пользовались в таких случаях! Надо же, она так давно носков не штопала, что уже, поди-ка, и забыла, как это делать. Хотя – вряд ли. Понадобится – сядет и сделает.

Шило и толстые нитки, вместе с большой иглой, Ирэн вручила Анги. Сперва хотела сама сесть, а потом поняла, что раз она здесь

«госпожа Ирэн», то, наверное, нельзя самой-то? Лучше пока не привлекать внимание. Отбросила скатерть с половины стола, разложила шкуры, чуть обравняла им края прямо ножницами, срезав неровности и выступы.

– Анги, смотри – вот здесь и вот здесь – два прямых шва. Где кожа толстая будет – проколешь, иглу только не сломай!

Сама же она собиралась, пока светло, изучить свой ларец. Больше всего порадовало, что в крышку вставлено небольшое, с тетрадный лист размером, зеркало. Конечно, не такое, как у леди Беррит, но хоть что-то. Стекла здесь вообще мало, похоже, что оно дорогое, так что зеркало точно не помешает. Ларец был наполнен небольшими мешочками из атласа. В каждом лежали украшения. Не так и много, да и особого интереса у Ирэн они не вызвали – ну, не было у неё

привычки

цацки на себя цеплять.

Только обручалку и носила всю жизнь. А после похорон, насмотревшись на рыдающую рыжую деваху, и его сняла и убрала. Так

и здесь, особого интереса все эти колечки и серёжки не вызвали. На каждый день – только мешать будут, а праздников в жизни не так и много. Пожалуй, то, что лежит в мешочке для рукоделия – ей и нужнее, да и привычнее. Решительно захлопнув крышку, закрыла добро на маленький ключик и сама, без помощи вскочившей Анги, отнесла в сундук.

Всё добро вытаскивать не стала, но пару стопок посмотрела – ткани. Три, вроде как, шерстяные, а остальные – плотное х/б. Пусть лежат, может, потом пригодятся. Гораздо больше заинтересовала её та часть сундука, где лежала готовая одежда. Нашлось и чистое платье, добротное, новое, не слишком нарядное. И несколько рубах-сорочек. И три пары чулок новых. Надо их надвязать, что ли, и придумать, как к поясу крепить. Нельзя же с этими ремешками на ногах всё время ходить. А вот эту шаль тёплую можно и сейчас достать – пригодится.

С осмотром она управилась быстро. Посмотрев на Анги, старательно ковыряющую шкуры, поймала взгляд Питера, мающего от безделья, и кивком указала ему на дверь. Встали и дружно вышли, под пристальным взглядом недоумевающей Санти.

Было, было госпоже Санти с чего удивляться. Вместо ежедневных бесконечных молитв – какая-то странная деятельность сестрицы. Отец отдал Ирэн своего пажа. Зачем? Что это значит? А не подлизалась ли она к нему?! Она, хоть и дура беззлобная, но исключительно по дурости и могла ляпнуть что-то, что покажет Санти в невыгодном свете. Могла сказать, например, что Санти, когда может – ептимью не выполняет. Могла сказать, что в прошлый раз, как на ярмарку ездили, Санти себе купила диво – краску для губ! И когда зовут их гостям в зале показать – губы красит. За такое отец, пожалуй, и правда может своей милости лишить. Он и так на эту тварь, жену третью, тратит больше, чем на дочерей старших, обоих, вместе взятых. Так что стоило бы выяснить, что здесь происходит.

– Линта, сюда поди... Внимательно слушай! Исполнишь всё, как велю – на платье отрежу новое. А проболтаешься – найду, за что выпороть
приказать. Поняла?

А Ирэн и Питер, не думая о худом, спустились по широкой
лестнице к выходу во двор.

– Там конюшня есть, госпожа Ирэн. И кузница, и казармы...
Оттуда и начнём замок смотреть. Неужели и правда – не помните

ничего?!

Лёгкий морозец заставлял Ирэн плотнее кутаться в шаль, да и

Питер зябко поёжился. Но до середины двора она всё равно дошла и встала, задрав голову на громаду замка. Сразу и не поймёшь, где что находится! Несколько высоченных башен разных форм. И круглая есть, самая высокая – там, вроде бы, покои отца находятся? И три квадратных, разной высоты, и ещё внизу переходы и связи между ними. Где в три этажа, а где – пониже.

Во дворе суетился народ, в честь прохлады двигаясь шустро, не застаиваясь на месте. Пробегали служанки с корзинами и бельём, у одного из боковых входов под ругань разгружали пару телег с тяжёлыми мешками, выскочил мальчишка в грязном белом фартуке и кинулся к навесу с огромной поленницей дров. Из будки вылез крупный обшарпанный пёс с колтунами, лениво потянулся, распахнув чудовищную пасть, встряхнулся и, посмотрев на суету, полез было назад. Однако, что-то его насторожило, потому неловко, задом, снова высунувшись, он принялся громко лаять.

Весь двор был обнесён высоченной каменной стеной и там, по этой стене, ходило несколько солдат. Их Ирэн опознала по мечам, болтающимся сбоку. Ворота замка были распахнуты, в них как раз въезжала странная коробка на колёсах, запряжённая четвёркой лоснящихся чёрных коней. Вот на эту коробку, в которой открылась дверца и выпустила на свет невысокого, лысоватого человечка в чёрной длинной хламиде до земли и тёплой меховой накидке поверх, и лаял пёс. Точнее – на этого лысоватого, который на улице, зябко поведя плечами, принялся натягивать меховой капюшон.

– К отцу Карпию опять гости приехали... – поморщился Питер.

– Что за гости?

– Это карета отца Паисия. Опять он...

– Что – опять?

– Он-то отцу Карпию выволочку устроит за пьянку. Тот, конечно, поклоны свои земные отобьёт, а потом на нас на всех накинётся. И пойдёт раздавать и правым, и виноватым! И молимся-то мы все мало, и во грехе погрязли и всякое такое...

– Ладно, Питер. Я поняла. А сейчас – пошли в дом. Холодно очень. Да и не так уж мне нужны эти конюшни и казармы. Лучше изнутри всё покажи мне.

– А что показывать-то?

– Ну, где запасы хранят, кто в замке прислугой распоряжается, где гостей принимают и всякое такое...

– Понятно, госпожа Ирэн. Ну, как прикажете...

Осмотр замка занял всё время до обеда. Не слишком и запомнила Ирэн, что и где находится. Зато из дружелюбной болтовни Питера поняла довольно много. Всеми горничными в замке заведовала мадам Векс. Она – иностранка и вдова. Потому и называли её не как всех, а

«мадам». И ещё она – дальняя родственница леди Беррит.

А всеми делами в замке заправлял господин Буст. Он – кастелян. И все-все – и повара, и работники, и сама мадам Векс – у него в подчинении. Он много работает и у него своя комната есть. Там всякие договора он хранит и следит, чтобы крестьяне налоги платили честно. А крестьян у лорда Беррита – видимо-невидимо! Целых пять сёл и даже ещё город есть. Настоящий город, с площадью и храмом своим.

А леди Беррит боится, что лорд за вами слишком много приданого даст – тогда её сыну меньше достанется. Ну, как это – почему? Потому, что лорд-то вас за владетельных лордов отдаёт, а те тоже очень денежки уважают. Приданое то, говорят, золотом платить будет. Землю не выгодно отдавать. Вот леди Беррит и бесится. Не будет денег – не будет платьев новых. Лорд Беррит и так на леди злится, что все кладовые попустошала.

Какое кроме денег приданое? Да кто же его знает-то? Ну, богатой госпоже в дом мужа нужно и бельё привезти, и одежды на себя много, и всякое-разное, что в дому ещё требуется. А леди уже скандалила, что лорд вам в приданое ещё и кубки серебряные даёт и кувшины. Это ведь страсть, как дорого выходит! Она-то уговаривала в монастырь вам приданое собрать...

Тут Ирэн невольно содрогнулась. Про монастыри знала она мало, только из сериалов, но мысль о том, что запрут на век, как в тюрьму, и ни ребёнка, ни котёнка не заведёшь – пугала.

К обеду вернулись в комнату, и Ирэн нарвалась на допрос от госпожи Санти.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/dva-lika-iren-b336054>